

Семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка: от морфосинтаксиса к семантике и обратно

© 2024

Алексей Миронович Старченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
aleksey-starchenko@mail.ru

Аннотация: Работа описывает семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка в рамках фреймового подхода к лексической типологии. В исследовании рассматриваются лексические единицы макрофреймов поиска объекта ('искать'): глагол *qərirək* и лексические аффиксы *-rerək* и *-yilik*; глаголы макрофрейма обследования пространства ('обыскивать'): *ojpətkok* и *rəriltʔewək* — и глагол *enarərək*, который покрывает оба макрофрейма, а также может обозначать безобъектный поиск. Помимо семантических противопоставлений внутри каждого макрофрейма, работа обсуждает взаимодействие морфосинтаксиса, этимологии и семантики единиц поля. Во-первых, получают историческое объяснение свойства глагола *enarərək*, уникального с точки зрения выражения валентностей, благодаря чему становится возможна его широкая семантика. Объяснение опирается на историческое присутствие в этом глаголе показателя антипассива и одновременно на факт утраты этой залоговой альтернативы в амгуэмском диалекте. Во-вторых, рассматриваются различия в поведении самостоятельных лексем и лексических аффиксов, конкурирующих в макрофрейме поиска объекта. Делается вывод о корреляции референтности / нереперентности объекта и степени связанности морфемы со значением поиска, причем корреляция внутри рассматриваемого семантического поля проявляется в виде ограничений на сочетаемость, не обязательных для самостоятельных глаголов и лексических аффиксов вне поля. В-третьих, для макрофрейма обыскивания пространства прослеживается перенос семантических ограничений на сочетаемость из поля-донора.

Ключевые слова: глаголы поиска, лексика, лексическая типология, полисемия, чукотский язык, чукотско-камчатские языки

Благодарности: Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 23-00-012 «Смежность семантических полей в типологической перспективе» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)». Автор благодарен А. И. Винару, И. А. Зибер, П. А. Касьяновой, Т. И. Резниковой, Д. А. Рыжовой и двум анонимным рецензентам за советы и комментарии. Все ошибки остаются на совести автора.

Для цитирования: Старченко А. М. Семантическое поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка: от морфосинтаксиса к семантике и обратно. *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 99–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.99-127

Semantic field SEARCH in Amguema Chukchi: From morphosyntax to semantics and back

Aleksey M. Starchenko

HSE University, Moscow, Russia; aleksey-starchenko@mail.ru

Abstract: The study describes the semantic field of search in Amguema Chukchi within the frame-based approach to lexical typology. I discuss lexical items of the macroframe of seeking an object ('search

for something’): the verb *qarirək* and the lexical affixes *-rerək* and *-yilik*; verbs of the macroframe of searching space (‘search some place’): *ojpətkok* и *rəritlʔewək*; and the verb *enarerək*, which covers both macroframes and can also describe objectless search. In addition to unveiling semantic oppositions within each macroframe, the study examines in detail the interaction of morphosyntax, etymology, and semantics of the items of the field. First, a historical explanation is provided for the properties of the verb *enarerək*, unique with respect to valency expression, which yields its broad semantics. The explanation is based on the historical presence of the antipassive prefix in this verb and, at the same time, on the fact that this voice alternation has been lost in the Amguema dialect. Secondly, differences in the behavior of independent lexemes and lexical affixes that compete in the macroframe of searching for an object are considered. I conclude that there is a correlation between the referentiality of the searched object and the degree of boundedness of the morpheme with the meaning ‘to search’. Noticeably, the correlation within the semantic field of search manifests itself in the form of combinability restrictions that are not obligatory for independent verbs or lexical affixes outside the field. Thirdly, for the macroframe of searching space, I trace the transmission of semantic restrictions on combinability from the source field.

Keywords: Chukchi, Chukotko-Kamchatkan, lexical typology, lexicon, polysemy, verbs of search

Acknowledgments: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant No. 23-00-012 “Contiguity of semantic fields in a typological perspective”). I am grateful to Alexey Vinyar, Inna Ziber, Polina Kasyanova, Tatiana Reznikova, Daria Ryzhova, and two anonymous reviewers for their insightful comments and corrections. All possible errors are mine.

For citation: Starchenko A. M. Semantic field SEARCH in Amguema Chukchi: From morphosyntax and back. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 99–127.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.99-127

1. Введение

Настоящее исследование посвящено семантическому полю поиска в чукотском языке (< чукотско-камчатская языковая семья). Под поиском мы понимаем последовательность действий для обнаружения объекта с целью присвоить его или вступить с ним во взаимодействие.

Работа опирается на фреймовый подход [Рахилина, Резникова 2013], предполагающий выделение внутри семантического поля ситуаций-фреймов, каждой из которых соответствует набор контекстов. Составленная на их основе анкета позволяет определить, каким образом фреймы поля распределены между лексемами исследуемого языка.

Статья проводит основное разделение между макрофреймами поиска объекта (~искать) и обследования пространства (~обysкивать) на основании того, что для каждой из этих зон поля в чукотском языке оказываются релевантными отдельные наборы параметров, и подробно рассматривает семантические противопоставления внутри этих макрофреймов.

Большинство единиц поля поиска в чукотском языке нетривиальны с точки зрения морфосинтаксических свойств — относительно других лексических единиц чукотского языка или единиц поля поиска в других языках.

Прежде всего, только две из четырех лексических единиц макрофрейма поиска объекта являются глаголами: *qarirək* ‘искать’ и *enarerək* ‘искать, обыскать’. Две другие единицы: *-rerək* ‘искать’ и *-yilik* ‘искать, собирать, охотиться’ — не могут выступать как самостоятельные слова, а присоединяются к именному корню, то есть являются лексическими аффиксами.

Кроме того, глагол *enarerək* обладает уникальным с точки зрения выражения зависимых для чукотского языка набором свойств: он может употребляться безобъектно, инкорпорировать пациентивного участника (далее Р-участника; то, что ищут), и присоединять в роли прямого объекта место поиска, покрывая практически все поле.

Две (*enarerək* и *-rerək*) или даже три (*enarerək*, *-rerək* и *qərirək*) из четырех основных единиц поля исторически родственны друг другу [Fortescue 2005: 79; Старченко 2021]. На синхронном уровне все три, однако, демонстрируют нерегулярные соотношения, не позволяющие анализировать их как содержащие одну и ту же основу.

Наконец, чукотский язык имеет ряд специализированных глаголов со значением обследования пространства: *ojpətkok* ‘обыскивать’ (от *ojpək* ‘вдевать, всовывать’), *rərɪtlʔewək* ‘раскидывать, обыскивать’, — которые возникают в результате переноса из других семантических полей и позволяют проследить влияние исходной семантики лексических единиц на их употребление в поле поиска.

Таким образом, чукотский язык предоставляет ряд возможностей для исследования взаимодействия морфологических свойств и значения единиц одного семантического поля. На материале чукотского можно наблюдать различия в семантическом поведении самостоятельных глаголов и лексических аффиксов, проследить судьбу нескольких исторически родственных, но синхронно нерегулярно соотносящихся единиц, а также рассмотреть эффекты, возникающие при переносе из одного семантического поля в другое.

Цель настоящей статьи — описать семантическое поле поиска в чукотском языке и охарактеризовать взаимодействие семантики единиц этого поля с их морфосинтаксическими свойствами.

Исследование в первую очередь опирается на метод эlicitации. Используемые данные отражают вариант чукотского языка, на котором говорят в селе Амгуэма Чукотского автономного округа, и собраны в ходе экспедиций в это село в 2019–2022 гг. Каждый приводимый пример был переведен или оценен по крайней мере тремя носителями, в случае вариативности в оценках — большим количеством информантов. Кроме того, в качестве источника используется Мультимедийный корпус амгуэмского диалекта чукотского языка¹ (далее Мультимедийный корпус). Он содержит 65 устных текстов (общая продолжительность составляет около четырех часов), записанных в экспедициях в село Амгуэма в 2016–2018 гг., расшифрованных и аннотированных глоссами.

В исследуемом семантическом поле амгуэмские данные демонстрируют вариативность. Это, с одной стороны, может быть результатом языковой ситуации в идиоме, где естественный процесс передачи языка детям прекращен и информанты редко используют чукотский язык в повседневном общении. С другой стороны, вариативность может указывать на переходное состояние между разными системами, а значит, и на вероятные различия между диалектами. Информация об известных нам диалектных различиях будет приведена далее в работе. Тем не менее, часть полученных данных, описывающая общую картину (набор лексем и релевантные для системы параметры), может быть распространена на чукотский язык в целом и подтверждается другими источниками — в первую очередь словарем Ш. Венстена [2018], который основывается в том числе на богатом материале литературных текстов и содержит множество примеров.

Статья устроена следующим образом. Раздел 2 дает базовые сведения о чукотском языке, необходимые для обсуждения приводимых далее примеров. Раздел 3 подробнее описывает фреймовый подход к лексической типологии и обосновывает его выбор в настоящей работе, а раздел 4 кратко характеризует основные типологически релевантные противопоставления в поле поиска. Раздел 5 вводит противопоставление макрофреймов поиска объекта и обследования пространства в чукотском языке и предлагает диахроническую мотивацию широкого значения глагола *enarerək*. Раздел 6 рассматривает семантические противопоставления внутри макрофрейма поиска объекта в их взаимодействии с морфосинтаксическими особенностями и историей использующихся в нем единиц. Раздел 7 характеризует лексемы макрофрейма обследования пространства. Последний раздел представляет собой заключение.

¹ Доступен по ссылке: <https://chuklang.ru/corpus>.

2. Базовые сведения о чукотском языке

Чукотский язык распространен на крайнем северо-востоке России. Он относится к чукотско-камчатской языковой семье: вместе с близкородственными корякским, керекским и аллоторским входит в чукотско-корякскую ветвь и достаточно далеко отстоит от ительменских языков [Fortescue 2005].

Чукотский язык демонстрирует множество фонетических чередований, в том числе сингармонизм по подъему, а также ряд контактных ассимиляций и диссимиляций согласных. Так, в слове *tor-waɬ* ‘новый нож’ гласный основы *tur-* ‘новый’ под влиянием *waɬ* ‘нож’ сдвигается вниз по подъему, подвергаясь чередованию *u > o*. В форме *nə-ket-rer-qen* [st-керкер-искать2-st.3sg] ‘ищет керкер’, кроме сингармонизма, наблюдается диссимиляция *rr > tr* на границе морфем *ker-* ‘керкер, женский меховой комбинезон’ и *-rer* ‘искать’.

Падежное маркирование в чукотской клаузе последовательно следует эргативной схеме:

- (1) a. *ətɬa* *pənnək-wʔ-i*
мать.ABS.SG [2/3.s/A]расстроиться-тн-2/3sg.s
‘Мама расстроилась’.
- b. *ətɬa-ta* *əpən-ne-n* *əppe~en*
мать-ERG [2/3.s/A]варить-3sg.A.3.O-3sg.O рыба~RED.ABS.SG
‘Мама сварила рыбу’.

Финитные глаголы демонстрируют субъектное согласование по лицу и числу в непереходной (1a) и обязательное субъектно-объектное согласование в переходной клаузе (1b).

Чукотский язык активно использует механизм инкорпорации. Ей могут подвергаться различные именные зависимые (например, *tor-waɬ* ‘новый нож’, образованное инкорпорацией основы прилагательного *nə-tur-qin* [st-новый-st.3sg] ‘новый’ в имя *waɬ* ‘нож’) и некоторые валентности глагола, в том числе Р-участник, в обычной диатезе выражающийся как прямой объект:

- (2) *ereqej* *ənn-əpat-ʔʔ-e*
бабушка[ABS.SG] рыба-варить-тн-2/3sg.s
‘Бабушка сварила рыбу’. [Vinjar 2021: 59]

Инкорпорация прямого объекта приводит к понижению переходности клаузы. В примере (2) на это указывает абсолютное, а не эргативное маркирование агентивного участника (далее А-участника) и субъектное согласование глагола, что совпадает с оформлением непереходной клаузы (1a).

Глаголы с инкорпорированным Р-участником допускают продвижение участников с ролью Бенефицианта, Места, Посессора и некоторыми другими ролями в позицию прямого дополнения (3). В таком случае клауза становится переходной, что видно по эргативному маркированию А-участника и по согласованию глагола (ср. (1b)).

- (3) *ətɬa-ta* *ekək* *ənn-əpən-ne-n*
мать-ERG сын.ABS.SG [2/3.s/A]рыба-варить-3sg.A.3.O-3sg.O
‘Мама варит рыбу для сына’.

3. Краткая характеристика фреймового подхода

Как уже было сказано, настоящее исследование опирается на фреймовый подход к лексической типологии. Он отталкивается от понятия «фрейм», введенного в работах

Ч. Филлмора [Fillmore 1976; 2006], и расширяет его, рассматривая не только набор и морфосинтаксическое выражение валентностей лексемы, но и их семантические свойства (ср. подобное расширение на семантические противопоставления при обсуждении полисемии в работе [Fillmore, Atkins 2000]). Этот подход активно разрабатывается Московской лексико-типологической школой и уже был успешно использован для описания множества семантических полей, в том числе движения в воде [Майсак, Рахилина (ред.) 2007], боли [Брицын и др. (ред.) 2009], падения [Рахилина и др. (ред.) 2020], признаков значений [Rakhilina et al. (eds.) 2022] и ряда других.

Фрейм — основная единица описания семантики в рамках данного подхода. При описании глагольного поля фрейм понимается как ситуация, которая каким-то образом отличается от других сходных ситуаций, соответствует набору языковых контекстов и хотя бы в каком-то языке может иметь особое лексическое выражение (или по крайней мере может коллексифицироваться с различными фреймами в разных языках). Основанием для выделения фреймов могут служить различные параметры: наличие и свойства аргументов лексемы, особенности самой ситуации и т. д. Более подробную характеристику подхода и его сравнение с другими подходами к лексической типологии можно найти в работе [Рахилина, Резникова 2013].

Использование фреймового подхода для описания поля поиска имеет ряд преимуществ. Основным преимуществом является тот факт, что это поле уже какое-то время исследуется в рамках подхода — начиная со сборника [ЕВРика] — в том числе разработана типологическая анкета, примененная на материале множества языков. Ее использование позволяет сопоставить данные чукотского языка с уже имеющимися и бесшовно встроить их в типологическое описание поля. Кроме того, другие распространенные лексико-типологические подходы встречают проблемы при применении их к полю поиска в чукотском языке. Так как многообразие типов поиска и находок достаточно сложно передать в виде изображения или видео, проблематично использование подхода, предполагающего элицитацию реакции носителей на внеязыковые стимулы, см. [Berlin, Kay 1969] и последующие работы школы института им. Макса Планка в Неймегене. Мы не предпринимаем попыток построения семантических представлений в духе А. Вежбицкой [Wierzbicka 1972; 1996], так как этот подход встречает ряд теоретических проблем (см. подробнее обсуждение [Рахилина, Плунгян 2007: 15–17] и ссылки в нем), а также затруднено для чукотского языка вследствие невозможности использования автором интроспекции. Проблематично и применение статистических методов, опирающихся на параллельные корпуса [Wälchli, Cysouw 2012], из-за отсутствия параллельных текстов для чукотского в достаточно большом объеме. Фреймовый подход, предполагающий анкетирование, перечисленных проблем не встречает.

4. Основные противопоставления в поле поиска

В этом разделе мы переходим непосредственно к полю поиска и с опорой на исследование [Rakhilina et al. 2020] перечисляем параметры, типологически релевантные для противопоставления лексем в семантическом поле поиска. Так как эта работа не претендует на полный охват типологии поиска, мы не будем для обоснования выделения параметров привлекать широкий языковой материал, а только укажем для каждого из них пример языка, в котором соответствующий параметр различает лексические единицы. Где это возможно, для простоты изложения выбирается русский язык, даже если в нем рассматриваемое противопоставление периферийно.

Прежде чем перечислить параметры рассматриваемого семантического поля, необходимо сделать комментарий терминологического характера. В статье нам будет нужно отсылать к тому, что ищут, — объекту поиска. Это словоупотребление не имеет никаких

синтаксических импликаций: объект поиска может быть выражен как прямой или косвенный объект, но также может быть инкорпорирован, выражен как адъюнкт или вовсе отсутствовать в структуре предложения. В тех случаях, когда слово «объект» используется в терминологическом значении, это каждый раз уточняется: или собственно с помощью отсылки к синтаксической позиции, или с помощью определений «прямой» и «косвенный».

Параметры, противопоставляющие лексемы в поле поиска, в первую очередь связаны со свойствами и синтаксическим выражением валентностей предиката:

1. Заполнение синтаксической позиции объекта: глагол может профилировать **поиск объекта** или **обследование пространства** (русс. *искать ключи* и *перерыть карманы*, *обыскать комнату* соответственно).
2. **Способность и необходимость выразить объект** поиска (ср. русск. глагол *искать*, допускающий опущение объекта только в контексте эллипсиса, *перерыть*, опционально присоединяющий его с помощью конструкции *в поисках*, например *перерыть рюкзак в поисках паспорта*, и *обыскать*, при котором объект поиска не может быть выражен).
3. **Референциальный статус** объекта поиска: референтный или нереферентный. В агульском языке (< нахско-дагестанские) это противопоставление выражается лексически с помощью глаголов *arucas* и *žik'arq'as* соответственно [Резникова, Мерданова 2018: 111], а в русском языке — синтаксически с помощью различных конструкций, например *искать свою жену* и *искать себе жену*.
4. **Таксономический и топологический класс участников ситуации поиска**. К примеру, в качестве субъекта поиска человек может противопоставляться животному. Так, русск. *искать* не охарактеризован с точки зрения данного параметра, а *рыскать* предполагает в первую очередь субъект-животное, например *волки рыщут по лесу*.
5. Кроме того, может лексифицироваться особый способ поиска, в частности, отдельная лексема может выражать поиск **наощупь** (русс. *шарить*).

Параметры могут соотноситься друг с другом различным образом. Они могут не сочетаться: отсутствие возможности выразить объект поиска при глаголе нейтрализует противопоставления, связанные со свойствами объекта. Другие параметры совместимы друг с другом, и в некоторых случаях именно сочетание их значений формирует фрейм. В частности, русский глагол *обшарить* соответствует сочетанию профилирования обследования пространства и поиска наощупь.

С другой стороны, не все принципиально возможные сочетания параметров лексикализируются в качестве фреймов в языках мира. Например, в сборнике [ЕВРика], обсуждающем поле поиска на материале 13 языков, референциальный статус объекта поиска (параметр 3) упоминается в контексте глаголов обследования пространства (параметр 1) только один раз — причем в описании не основных лексем семантической зоны, а идиоматического выражения. Напротив, для глаголов поиска объекта референциальный статус объекта регулярно оказывается релевантным. Из-за описанной неоднородности сочетаний параметров и большого числа возможных комбинаций при отсутствии конкуренции лексем в соответствующем фрагменте поля в этой работе рассматриваются не все возможные сочетания параметров, а параметры в отдельности.

5. Первый водораздел чукотской системы зоны поиска: поиск объекта, обследование пространства и безоъектный поиск

5.1. Три группы глаголов

Лексемы, употребляемые в поле поиска в амгуэмском диалекте чукотского языка, можно разделить на три группы относительного того, какая семантическая валентность ситуации отображается в синтаксическую позицию объекта: объект поиска, место поиска или же ничего из этого (сочетание параметров 1 и 2, описанных в предыдущем разделе). Эти три перечисленных возможности мы будем называть макрофреймами и условно обозначим как ‘поиск объекта’, ‘обследование пространства’ и ‘безоъектный поиск’ соответственно.

Первые две группы включают единицы, которые маркируют как ядерного участника только объект поиска: *qərirək* (4), *-rerək* и *-yilik*, — и единицы, которые выделяют место поиска: *ojpətkok* (5) и *rərilʔewək*.

- (4) *ajwe əmʔəloŋet sinit-kin wəʔə n-ine-lqərir-iyəm*
 вчера весь.день свой-REL нож ST-INV-искать1-NP.1SG²
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

- (5) *əməʔ-etə tejusə-n t-ojpə-tko-yʔə-n, nə-saj-rer-eyəm*
 весь-DAT сумка-Abs.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O ST-чай-искать2-ST.3SG
 ‘Я перерыл всю сумку — чай искал’.

Эти две группы лексических единиц удобно выделить по той причине, что семантические противопоставления внутри каждой из них оказываются обусловленными разными независимыми параметрами: референциальным статусом объекта поиска для первой группы и топологическим классом места поиска для второй.

Это различие указывает на то, что противопоставление между конструкциями типа (4) и (5) не сводится к морфосинтаксису и аргументной структуре, а релевантно с точки зрения семантики. Помимо того, что ядерный участник (или объект, или место поиска) вне контекста эллипсиса должен быть выражен при предикате, именно его свойства определяют другие семантические ограничения. Мы, однако, оставляем в стороне более детальную семантическую характеристику различий между макрофреймами, которая могла бы быть дана, например, в терминах профилирования в рамках когнитивной грамматики, см. [Langacker 1987; 2015] и другие работы, и полагаемся в первую очередь на ряд морфосинтаксических свойств для разделения макрофреймов.

В третью группу с точки зрения выражения участников ситуации поиска следует выделить глагол *enarərək*, который допускает конструкции с ядерным участником — объектом (6) и ядерным участником — местом поиска (7), а также может быть употреблен в конструкции безоъектного поиска (8).

- (6) *nə-qaa-mk-ena.rer-qen*
 ST-олень-COLL-ANTI.искать2-ST.3SG
 ‘Он ищет часть стада оленей’.

² Принципы глоссирования основ макрофрейма поиска объекта подробно описаны в разделе 5.4 — после обсуждения морфосинтаксических особенностей соответствующих единиц, которые используемые глоссы призваны отразить.

- (7) *əməɫʔ-etə jara-ŋə t-ena.rer-ʏʔa-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал всю ярангу’³.
- (8) *opopə torʏə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək jəqqej*
 лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать2-IPFV-2PL.S/O разве
ra-ɫməɫ-aw-ŋə-tək ʏəm-nan reqə-n iwə-k
 [2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG говорить-LOC
 ‘Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю’.

[Мультимедийный корпус]

Следует заметить, что отсутствие объекта в примере (8) выражается в том числе морфологически: глагол согласуется как непереходный. При сохранении переходности глагола и заполнении синтаксической позиции объекта синтаксическим нулем наблюдалось бы субъектно-объектное согласование глагола (при сочетании субъекта второго лица множественного числа и объекта в третьем лице императива — циркумфикс *q-...-rkəne-tkə* [2.S/A.SUBJ-...-IRR-2PL.A.3.O]).

Рассматривая разделение на макрофреймы внутри поля поиска в чукотском языке, важно подробнее обсудить следующие два вопроса.

Во-первых, важно определить сам принцип разделения на макрофреймы. Единицы поля поиска устроены нетривиальным образом с точки зрения отображения семантических валентностей в синтаксические, поэтому невозможно указать единственную морфосинтаксическую рамку, которая соответствует каждому из фреймов. Раздел 5.2 дает описание того, как наблюдаемые в чукотском языке способы выражения синтаксической структуры распределяются по макрофреймам поиска объекта и обследования пространства.

Во-вторых, требует обсуждения широкая семантика глагола *enarerək*, который оказывается доступным в рамках каждого из макрофреймов, в том числе типологически редкого безобъектного поиска (так, в сборнике [ЕВРика] особая лексема для этого макрофрейма отмечается только в русском, ср. периферийный глагол *рыскать*). В разделе 5.3 мы показываем, что особые свойства этой лексической единицы могут получить диахроническое объяснение, опирающееся на присутствие в ее составе лексикализованного показателя антипассива *ine-/ena-*.

5.2. Понятие ядерного выражения участников для поля поиска в чукотском языке

Принцип выделения макрофрейма обследования пространства можно сформулировать достаточно строго: мы относим к этому макрофрейму глаголы, которые допускают⁴ выражение Места как ядерного аргумента (в абсолютиве) без инкорпорации объекта поиска. Выражение объекта поиска как ядерного аргумента при подобных глаголах невозможно:

- (9) *kuke-ŋə t-ojpə-tko-ʏʔa-n*
 котелок-ABS.SG 1SG.S/A-ВСОВЫВАТЬ-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я поискал в котелке’./#‘Я ищу котелок’.

Основной фактор, затрудняющий унификацию отображения семантических валентностей в синтаксические для выделенных макрофреймов, состоит в том, что часть единиц макрофрейма поиска объекта представляет собой лексические аффиксы («аффиксальные

³ Яранга — чукотский национальный дом.

⁴ Хотя и не обязательно требуют — см. раздел 7.2.

предикаты» в терминах работы [Виняр 20196]). Под лексическими аффиксами мы понимаем единицы, обладающие двумя свойствами:

- это связанные морфемы, то есть неспособные употребляться в качестве самостоятельных слов и требующие обязательной «инкорпорации» своего «семантического аргумента»;
- это морфемы с достаточно конкретным значением: таким, которое скорее можно отнести к области лексики, чем грамматики или словообразования.

Подобными свойствами обладают сразу две единицы из поля поиска: *-rer(ə)k* (10) и *-yili(k)*⁵ (11).

- (10) a. *ətri* *nə-saat-rer-qena-t*
они.ABS.SG ST-аркан-искать2-ST.3SG-PL
- b. **əryə-nan* *na-rerə-rkən* *saat*⁶
они-ERG LOW.A-искать2-IPFV аркан[ABS.SG]
Ожид. зн.: 'Они ищут аркан'.
- (11) a. *uunʔə-yili-yʔ-i*
[2/3.S/A]ягода-SEARCH-TH-2/3SG.S
- b. **uunʔə-t* *yili-ni-ne-t*
ягода-ABS.PL [2/3.S/A]SEARCH-3SG.A.3.O-3SG.O-PL
Ожид. зн.: 'Она собирала ягоды'. [Виняр 20196: 10]

Если *-yili* является «типичным представителем» лексических аффиксов, то статус единицы *-rer* зависит от того, выделять ли ее синхронно в составе глагола *enarerək*. Настоящая работа на основании отсутствия антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте чукотского языка считает их разными единицами и, соответственно, относит *-rer* к классу лексических аффиксов. В обратном случае следовало бы говорить о *-rer* как об основе, имеющей уникальную дистрибуцию — требующей или инкорпорации, или наличия показателя *ine-/ena-*. Статус антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте и его морфосинтаксические особенности подробно рассматриваются в следующем разделе.

Описанное поведение лексических аффиксов отличается от поведения обычных переходных глаголов, которые присоединяют пациентивного участника в абсолютиве — падеже ядерного аргумента — или инкорпорируют его (см. примеры в разделе 2). Тем не менее, лексические аффиксы выражают объект поиска — и, более того, обязательно требуют его выражения. Кроме того, свойства чукотской конструкции с лексическими аффиксами во многом сходны со свойствами конструкции с инкорпорацией прямого объекта [Виняр 2023: 51–54]. Это позволяет нам рассматривать вместе переходный глагол *qarirək* и лексические аффиксы.

Следует заметить, что формы с лексическими аффиксами могут употребляться в конструкции, в которой место поиска маркируется ядерным падежом:

- (12) *was'a-na* *jara-ŋə* *wala-rer-ne-n*
Вася-AN.ERG яранга-ABS.SG [2/3.S/A]нож-искать2-3SG.A.3.O-3SG.O
'Вася поискал нож в доме'.

⁵ Сегмент *-(ə)k* в составе *-rerək* и *-yilik* является показателем инфинитива. При обсуждении этих единиц как морфологических (лексических аффиксов) мы приводим их без формообразующих показателей (*-rer* и *-yili*), а обсуждая лексические особенности, сохраняем этот маркер для единообразия с другими лексическими единицами поля.

⁶ Следует заметить, что для очень небольшого количества носителей амгуэмского диалекта чукотского такие примеры оказываются возможными. Можно говорить о том, что их идиолекты отражают переосмысление сегмента *-rer* как основы обычного переходного глагола.

Это, однако, не позволяет отнести соответствующие лексические единицы к макрофрейму обследования пространства. Аналогичная конструкция с продвижением Места, Бенефицианта или Реципиента в позицию прямого объекта доступна для инкорпоративных комплексов (ср. пример (3)) с переходными глаголами и может быть проанализирована в терминах затронутости и профилирования участников ситуации [Виняр 2023]. Таким образом, конструкция в (12) не отражает лексические особенности лексемы, а является примером регулярного синтаксического процесса.

Как уже было сказано, глагол *enarerək* не попадает ни в один из выделенных классов, так как при нем возможно выражение инкорпорированного прямого объекта (6), а также вне инкорпоративного комплекса — участника с ролью Места в абсолютиве (7). Эти валентности могут выражаться совместно:

- (13) *maša-na tejusə-n saj-ena.rerə-rkə-ne-n*
 Маша-AN.ERG сумка-ABS.SG [2/3.S/A]чай-ANTI.искать2-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Маша ищет чай в сумке’.

Учитывая возможность безобъектного употребления (8), можно говорить о том, что и объект, и место поиска могут, но не должны быть ядерными участниками при этом глаголе.

Описанный набор валентностей, позволяющий *enarerək* покрывать все макрофреймы поля поиска, является необычным для чукотского глагола. Еще более нестандартным делает поведение этой основы недопустимость выражения объекта поиска в абсолютиве (14)⁷. Он может быть только инкорпорирован или опущен (последняя возможность отличает *enarerək* от лексических аффиксов).

- (14) *#ənʔeqej-ne ena.rerə-rkə-ne-n waʔə*⁸
 старший.брат-AN.ERG [2/3.S/A]ANTI.искать2-IPFV-3SG.A.3.O-3SG.O нож.ABS.SG
 Ожид. зн.: ‘Старший брат ищет нож’.

В следующем разделе мы показываем, что подобная широкая семантика вместе с уникальным выражением аргументов может быть объяснена диахронически: тем, что в составе этой лексемы исторически содержится префикс антипассива.

5.3. *enarerək*: морфосинтаксис как следствие истории

Лексема *enarerək* формально представляет собой дериват *-rerək* с префиксом антипассива — залогового преобразования, которое понижает синтаксический статус Р-участника, то есть удаляет его или смещает в позицию косвенного. Антипассив, образуемый префиксом *ine-/ena-*, описывается как продуктивный в ряде исследований, посвященных различным вариантам чукотского языка, см. [Скорик 1977: 113–117; Недялков 1979; Kozinsky et al. 1988] среди прочих, что дает возможность выделить соответствующий показатель в лексеме *enarerək*.

⁷ Следует заметить, что неграмматичность примеров типа (14), а также примеров типа (10b) с абсолютивным объектом поиска при *enarerək* и *-rerək* свойственны не всем диалектам чукотского языка. В частности, пример с объектом поиска в абсолютиве при *-rerək* можно найти в словаре Ш. Венстена [2018], для *enarerək* — в картотеке словаря П. И. Инэнликэя (доступна по адресу www.chukdict.com). Поведение этих глаголов, таким образом, может быть рассмотрено как дальнейшее поле для поиска диалектных различий между вариантами чукотского языка. Я благодарен анонимному рецензенту за это наблюдение.

⁸ Этот пример отмечен знаком #, а не * из-за того, что он грамматически корректен, однако прямой объект в нем может соответствовать только месту поиска. Так как обыск ножа — странная ситуация, информанты закономерно признают пример неприемлемым.

Следует сказать, что более поздние по сравнению с перечисленными выше работы фиксируют снижение продуктивности антипассива на *ine-/ena-*. М. Данн [Dunn 1999: 216–217] указывает на то, что в исследуемом им варианте чукотского эта залоговая альтернатива регулярно используется только в отглагольных деривациях, в том числе в причастиях, где понижение переходности обязательно для релятивизации ряда участников [Comrie 1979]. Недавнее исследование [Kantarovich 2020] указывает на ограниченное использование антипассива у носителей, подверженных языковой аттриции, которое также сопровождается ограниченным использованием инкорпорации как другого механизма, понижающего переходность.

Следует заметить, что полноценное обобщение приведенных сведений затруднено тем, что цитируемые работы были выполнены не только в разное время, но и на основе различных диалектов. Работа П. Я. Скорика [1977] содержит упоминания ряда говоров и скорее характеризует некоторый наддиалектный вариант чукотского. Для ряда исследований В. П. Недалкова и его соавторов, в том числе работы [Kozinsky et al. 1988], точной информации о происхождении информантов, с которыми работали авторы, нет⁹. М. Данн [Dunn 1999] в первую очередь опирается на говор телькепских чукчей, Дж. Кантарович [Kantarovich 2020] — на вариант чукотского, распространенный в Якутии. Насколько нам известно, ни одна из перечисленных работ не рассматривает амгуэмский диалект (более подробно о соотношении этого варианта чукотского с другими диалектами см. [Стенин 2019]). Так или иначе, в рассматриваемом аспекте вариант чукотского языка, используемый в селе Амгуэма, отличается от материала всех перечисленных работ, доводя тенденцию к потере антипассивной деривации до предела.

Для амгуэмского диалекта характерна полная утрата антипассива на *ine-/ena-* как словоизменительной категории финитного глагола [Старченко 2021: 349–352]. Более того, антипассивная деривация недоступна и для причастий, в которых она, при отсутствии или редкости его в формах финитного глагола, имеет тенденцию сохраняться [Dunn 1999; Kantarovich 2020]. При этом утрату этой залоговой альтернативы невозможно объяснить аттрицией. Во-первых, данные амгуэмского диалекта получены от полностью компетентных носителей старшего поколения. Во-вторых, другой механизм понижения переходности — инкорпорация — в Амгуэме полностью сохранен и регулярно используется в естественных текстах, что расходится с ситуацией, описанной в [Kantarovich 2020].

Таким образом, *enarerək* — единственный известный автору глагол, который сохраняет показатель антипассива на *ine-/ena-* в амгуэмском диалекте. В результате на синхронном уровне антипассивный префикс в составе этой леммы выделен быть не может.

Наличие префикса *ine-/ena-* в составе *enarerək* объясняет ряд его нетривиальных синтаксических свойств. Прежде всего, это его способность к безобъектному употреблению (15)¹⁰, следующая из основной функции антипассива — понижение синтаксического статуса исходного прямого объекта.

- (15) *opopə torə-nan sinit q-ena.rerə-rkəne-tək jəqqej*
лучше вы-ERG сам 2.S/A.SUBJ-ANTI.искать2-IPFV-2PL.S/O разве
ra-lmat-aw-ŋə-tək ɣəm-nan reqə-n iwə-k
[2/3.S/A]FUT-слушаться-CS-FUT-2PL.S/O я-ERG что-ABS.SG говорить-LOC
'Лучше уж тогда сами ищите, раз вы не слушаете, что я говорю'. (= (8))

[Мультимедийный корпус]

Другая особенность префикса *ine-/ena-*, которая важна для обсуждения глаголов поиска, состоит в наличии у него пермутативных употреблений. При таких употреблении

⁹ Известно, что один из двух основных информантов, с которыми работали авторы, — П. И. Инэнликэй — родился в Чаунской тундре.

¹⁰ Ниже дублируются примеры (6)–(8), принципиально важные для обсуждения свойств этого глагола.

Реципиент, Бенефициант или Место продвигается в синтаксическую позицию прямого объекта, а пациентивный участник выражается как косвенный объект («пермутатив 2/3», то есть манипулирующий вторым и третьим синтаксическими актантами трехвалентного глагола, в терминологии [Мельчук 2004]). Эта залоговая альтернатива может анализироваться как двухступенчатая, скрыто включающая антипассивизацию и продвижение косвенного объекта, или же рассматриваться отдельно от антипассива. Пример этой залоговой альтернативы в варианте чукотского, описанном в работе [Kozinsky et al. 1988], представлен в (16). Предложение (16a) демонстрирует прямую диатезу, в которой Пациент маркируется абсолютивом, а Место — локативом; в (16b) Пациент понижен до косвенного объекта в инструменталисе, а позицию прямого объекта занимает Место.

- (16) a. *ətlag-e takečʔə-n utkucʔə-k pela-ne-n*
отец-ERG приманка-ABS.SG ловушка-LOC [2/3.S/A]оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
- b. *ətlag-e takečʔ-a utkucʔə-n ena-pela-ne-n*
отец-ERG приманка-INS ловушка-ABS.SG [2/3.S/A]АНТИ-оставлять-3SG.A.3.O-3SG.O
- ‘Отец оставил приманку в ловушке’. [Kozinsky et al. 1988: 667]¹¹

Конструкция с продвижением Места, аналогичная (16), объясняет допустимость использования амгуэмского глагола *enarerək* в макрофрейме обследования пространства:

- (17) *əməłʔ-etə jara-ŋə t-ena.rer-yʔa-n*
весь-ДАТ яранга-ABS.SG 1SG.S/A-АНТИ.искать2-TN-3SG.O
- ‘Я обыскал весь дом’. (= (7))

Следует заметить, что *ine-/ena-* в функции пермутатива — но не, как уже было сказано, антипассива — фиксируются и в амгуэмском диалекте чукотского языка (что косвенно говорит против анализа пермутатива как антипассивизации с продвижением) [Стенин (рук.): 4–5; Старченко 2021: 352–353]. Эта функция показателя, однако, не позволяет объяснить безобъектные употребления (15), а также не может быть синхронно применена к примерам макрофрейма обследования пространства (17), так как в современном амгуэмском диалекте, как было показано выше, недоступна «прямая диатеза» с выраженным объектом для основы *-rer* (см. пример (10)).

С другой стороны, *enarerək* в амгуэмском диалекте развивает черты, не отмечаемые для продуктивного чукотского антипассива, в частности, получает способность инкорпорировать объект поиска (18). В диалектах с продуктивным антипассивом Пациент не может быть инкорпорирован в антипассивизованный глагол: обе эти операции служат для понижения статуса Р-участника и не сочетаются друг с другом [Kozinsky et al. 1988].

- (18) *nə-qaa-mk-ena.rer-qen*
ST-олень-COLL-АНТИ.искать2-ST.3SG
- ‘Он ищет часть стада оленей’. (= (6))

Следует заметить, что примеры с инкорпорацией, подобные (18), информанты иногда оценивают как менее естественные, чем аналогичные примеры с *-rer* без префикса. Это различие возникает спорадически, чаще в более длинных и синтаксически сложных примерах, и далее при обсуждении семантики этих единиц не рассматривается, соответствующие примеры помечаются знаком вопроса. По крайней мере некоторые примеры, подобные (18), были признаны грамматичными всеми опрошенными носителями.

Подводя итоги обсуждения морфосинтаксического поведения глагола *enarerək*, можно сделать вывод, что оно отличается и от поведения других чукотских глаголов,

¹¹ Фонетическая запись приводится вслед за цитируемой работой, глоссы приведены к системе, используемой в настоящей статье.

и от поведения антипассивной деривации в диалекте с продуктивным антипассивом. Тем не менее, предположения о наличии маркера *ine-/ena-* на более раннем диахроническом этапе с последовавшим размытием свойств в отсутствие продуктивного антипассива позволяет описать нетривиальные свойства этой лексемы. Более подробно синтаксические особенности *enarerək* как сохранившейся после утраты антипассива единицы обсуждаются в работе [Старченко 2021].

При этом важно, что широкое значение *enarerək* — это именно лексическое, а не грамматическое свойство этого глагола, пусть и возникшее в результате взаимодействия с грамматической категорией антипассива. В современном амгуэмском диалекте нет (и в более раннем варианте чукотского не было) альтернации, которая, не изменяя глагол, позволила бы получить все наблюдаемые у *enarerək* преобразования диатезы.

5.4. Глоссы для лексических единиц поля поиска

При глоссировании лексических единиц макрофрейма поиска объекта мы используем следующие обозначения:

- (19) *qərir-* — искать₁
 -rer — искать₂
 ena.rer- — ANTI.искать₂
 -yili — SEARCH

Выбор численного индекса для различения первых двух единиц обусловлен тем, что их значения достаточно схожи и не позволяют подобрать интуитивные и обоснованные отличающиеся ярлыки. Номера выбраны произвольно, в первую очередь по той причине, что *qərir-* в чукотском языке является обычной глагольной основой, а (*ena*)*rer-* демонстрирует своеобразные морфосинтаксические свойства.

Глосса для *enarer-* выбрана таким образом, чтобы отражать исторический состав этой единицы, но, так как синхронно выделить префикс невозможно, мы используем в качестве разделителя точку, а не дефис. Лексический аффикс *-yili* получает глоссу на латинице как аффикс (SEARCH; в качестве глоссы выбран наиболее близкий к значению суффикса английский перевод), в соответствии с глоссами экспедиционного проекта в село Амгуэма¹². При этом для *-rer* принято решение не вводить аналогичную словообразовательную глоссу, так как в таком случае будет сложнее отразить ее историческую связь с основой *enarer-*.

6. Макрофрейм поиска объекта

В следующих разделах мы переходим к семантическим противопоставлениям внутри макрофреймов. Настоящий раздел посвящен макрофрейму поиска объекта и последовательно рассматривает релевантные для него семантические противопоставления (раздел 6.1), а также связанные с ними морфосинтаксические (раздел 6.2) и этимологические (раздел 6.3) особенности входящих в него глаголов.

¹² Глоссы доступны по ссылке: https://chuklang.ru/static/chukchi_glosses_20171020.pdf.

6.1. Семантические противопоставления внутри макрофрейма

Центральным параметром, различающим чукотские глаголы макрофрейма поиска объекта, является противопоставление по референтности / нереперентности объекта. При этом предположения о типичных контекстах, которые неодинаковы для этих глаголов, можно сформулировать исходя из данных Мультимедийного корпуса, содержащего, несмотря на небольшой размер, ряд примеров с рассматриваемыми единицами.

Глагол *qərirək* встречается в разнородных примерах с различным референциальным статусом объекта, ср., например, данный референтный объект в примере (20) и новый нереперентный в примере (21).

(20) {Думаю: где же они [муж и сыновья]?!}

tə-lqərerə-ŋŋo-na-t qəluq=ʔəm
1SG.S/A-искать1-INCH-3SG.O-PL конечно=EMPH

‘Начала искать их, конечно’. [Мультимедийный корпус]

(21) ну и *ətʌon=ʔəm eqəlpə ɲeweq=e jep əjwe tite ʔəttʔəjot=e ənqen*
ОН.ABS=EMPH быстро же=PTCL еще вчера когда перед=PTCL DET

rajowənwəl... rajowə-nwə-lqəł-te=ɲe ənpənasɣ-a=ɲe
FST становиться.стойбищем-NMN-DEB-ABS.PL=PTCL старик-ERG=PTCL

nenajopat... n-ine-lqərir-qine-t=ʔəm
FST ST-INV-искать1-ST.3SG-PL=PTCL

‘Ну и он [старик] же еще раньше, на днях, быстро разведаль (букв. «поискал») места для будущей стоянки’. [Мультимедийный корпус]

Лексический аффикс *-yilik* в первую очередь встречается в контексте поиска природных объектов с целью сбора:

(22) *təla-ma nə-nwıl-murʔim nə-pʔoŋ-yete-more*
идти-SIM ST-останавливаться-NP.1PL-EMPH ST-гриб-SEARCH-NP.1PL

‘Когда ехали, останавливались, собирали грибы’. [Мультимедийный корпус]

Глагол *enarərək* имеет в Мультимедийном корпусе два вхождения, оба в значении безобъектного поиска (8), (23); одиночная основа *-rer* в корпусе не встречается.

(23) *ʔejɲewə-tku-muri ena.rerə-k*¹³
звать-ITER-NP.1PL ANTI.искать-INF

‘Позвали нас искать’. [Мультимедийный корпус]

Элицитация выявила более широкое употребление рассматриваемых лексических единиц. Все три единицы *qərirək*, *enarərək* и *-rerək* могут сочетаться как с референтными (24), так и с нереперентными (25) объектами поиска. Знак % в примере (25a) и далее указывает на то, что часть носителей признает подобные примеры грамматически корректными (причем вполне, а не периферийно грамматичными), а другая часть оценивает их как недопустимые.

(24) a. *ətʌɣ-e n-ine-lqərir-qin ekək ɲaryən*
отец-ERG ST-INV-искать1-ST.3SG сын.ABS.SG снаружи

b. *ətʌɣə-n akka-rerə-rkən ɲaryən*
отец-ABS.SG [2/3.S/A]сын-искать2-IPFV снаружи

c. *ətʌɣə-n akka-ena.rerə-rkən ɲaryən*
отец-ABS.SG [2/3.S/A]сын-ANTI.искать2-IPFV снаружи

‘Папа ищет сына на улице’.

¹³ В примере использована нерегулярная глагольная форма без префиксальной части, где можно было бы ожидать перфектный маркер *y(e)-*.

- (25) a. *%qlawət-a* *n-ine-lqərir-qin* *ŋewʔenə-lqət*
 парень-ERG ST-INV-искать1-СТ.3SG жена-ДЕВ[ABS.SG]
 б. *qlawət* *nə-ŋawʔanə-lqət-rer-qen*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-искать2-СТ.3SG
 в. *qlawət* *nə-ŋawʔanə-lqət-ena.rer-qen*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-АНТИ.искать2-СТ.3SG
 ‘Парень ищет себе невесту’.

Важно подчеркнуть, что, хотя часть носителей допускает употребление *qərirək* с нереперентным объектом при элицитации и такие примеры встречаются в спонтанных текстах (21), другие носители оценивают подобные примеры как неприемлемые. Для *-rerək* и *enarərək* соответствующие примеры в (25) допустимы для всех опрошенных носителей.

Лексический аффикс *-yili* демонстрирует другое поведение и сочетается только с нереперентными объектами поиска (26); знак % в (26b) будет подробнее прокомментирован ниже.

- (26) a. **ətłəyə-n* *n-ekke-yili-qin* *ŋaryən*
 отец-ABS.SG ST-сын-SEARCH-IPFV снаружи
 Ожид. зн.: ‘Папа ищет сына на улице’.
 б. *%qlawət* *nə-ŋewʔenə-lqət-yili-qin*
 парень[ABS.SG] ST-жена-ДЕВ-SEARCH-СТ.3SG
 ‘Парень ищет себе невесту’.

Указанные различия между единицами сохраняются для объектов других семантических классов, в частности, предметов:

- (27) a. *ajwe* *əmʔəłoŋet* *sinit-kin* *walə* *n-ine-lqərir-iyəm*¹⁴
 вчера весь.день свой-REL нож.ABS.SG ST-INV-искать1-NP.1SG
 б. *ajwe* *əmʔəłoŋet* *nə-senet-wala-rer-eŋəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-искать2-СТ.3SG
 в. *ajwe* *əmʔəłoŋet* *nə-senet-wala-ena.rer-eŋəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-АНТИ.искать2-СТ.3SG
 д. **ajwe* *əmʔəłoŋet* *nə-senet-wala-yele-jyəm*
 вчера весь.день ST-свой-нож-SEARCH-СТ.3SG
 ‘Я вчера весь день искал свой нож’.

Аналогичные противопоставления сохраняются в случае перебора элементов в поисках референтного объекта¹⁵:

- (28) *n-iw-qine-t* *murəy-nəmnətə-k* *nə-nəmətwa-qen* *qaa-ramkə-lʔə-n*
 ST-говорить-СТ.3SG-PL мы.INC-поселок-LOC ST-жить-СТ.3SG олень-народ-ATTR-ABS.SG
 ‘Говорят, в поселке живет эвен’.
 а. *yəm-nan* *n-ine-lqərir-iyəm* *qaa-ramkə-lʔə-n* *keli-nənnə-mkə-k*¹⁶
 я-ERG ST-INV-искать1-NP.1SG олень-народ-ATTR-ABS.SG письмо-имя-COLL-LOC

¹⁴ Повторенный пример (4).

¹⁵ Пример на *enarərək* не приводится, так как достаточно четкую оценку для этого сложного примера получить не удалось.

¹⁶ Для значения ‘список’, используемого в примерах, в амгуэмском чукотском отсутствует слово, известное всем носителям, — чаще всего информат составлял подходящее слово в процессе перевода. В примере (28) приводится один из предложенных вариантов.

murəy-nəm-kin

МЫ.INC-ПОСЕЛОК-REL

b. *yəm-nan* *nə-qaa-ramkə-rer-eyəm* *keli-nənnə-mkə-k* *murəy-nəm-kin*
 я-ERG ST-олень-народ-искать2-NP.1SG письмо-имя-COLL-LOC МЫ.INC-ПОСЕЛОК-REL

c. **yəm-nan* *nə-qaa-ramkə-yele-jyəm* *keli-nənnə-mkə-k* *murəy-nəm-kin*
 я-ERG ST-олень-народ-SEARCH-NP.1SG письмо-имя-COLL-LOC МЫ.INC-ПОСЕЛОК-REL

Ожид. зн.: ‘Я ищу эвена в списке жителей поселка’.

При этом в особую группу выделяются контексты, в которых производится поиск природных объектов: растений, грибов, яиц и др. — с целью сбора (29) или животных на охоте (30).

Именно этот контекст является основным для *-yilik*: контексты с этим лексическим аффиксом были первой реакцией информантов при переводе подобных примеров на чукотский. Более того, для некоторых информантов использование аффикса *-yili* только этими контекстами и ограничено, что отражает знак % при примере (26b). С другой стороны, употребление глагола *qarirək* в этом контексте доступно для еще меньшего числа информантов, чем в других контекстах с нереферентным объектом поиска: примеры с глаголом *qarirək*, аналогичные (29)–(30), оценивает как грамматичные подгруппа информантов, признающих приемлемым (25a).

(29) *nə-pʔoŋ-yele-jyəm*
 ST-гриб-SEARCH-NP.1SG

‘Я собираю грибы’.

(30) *yənnij-ŋəttə-lʔə-n* *nə-milut-yili-qin*
 зверь-CATCH-ATTR-ABS.SG ST-заяц-SEARCH-ST.3SG

‘Охотник ищет / охотится на зайца’.

В примерах наподобие (29)–(30) информанты обычно переводят *-yilik* не как ‘искать’, а как ‘собирать’ или ‘охотиться’. Важно подчеркнуть, что даже в этих контекстах речь идет именно о поиске, который может не увенчаться успехом (31), а не о сборе как о серии операций, производимых для присвоения объекта.

(31) *uunʔə-yili-yʔ-i* *ətrʔes* *ujje* *ya-twa-lən*
 [2/3.S/A]ягода-SEARCH-TH-2/3SG.S только нет PF-БЫТЬ-PF.3SG

‘Он собирал ягоды, но ни одной не собрал’ (букв. «но был без ничего»).

[Виняр 2019а: 12]

В этом *-yili* противопоставлен чукотской основе *yisi-* ‘собирать’, которая не является связанной и описывает собственно процедуру сбора (32).

(32) *uunʔə-yisi-yʔ-i* *ətrʔes* *ujje* *ya-twa-lən*
 [2/3.S/A]ягода-собирать-TH-2/3SG.S только нет PF-БЫТЬ-PF.3SG

#‘Он собирал ягоды, но ничего не собрал (букв. «но был без ничего»)’.

‘Собрал ягоды и все растерял’.

[Виняр 2019а: 13]

Поиск природных объектов, выраженный комплексом с суффиксом *-yili*, не обязательно производится с целью употребления их в пищу — они могут быть использованы для выполнения другой функции:

(33) *yatlə* *n-uttə-yili-qin* *qətsəyjoʔə-n* *em-re-tejka-ŋ-e*
 птица[ABS.SG] ST-дерево-SEARCH-ST.3SG гнездо-ABS.SG RESTR-DES-ИЗГОТОВЛЯТЬ-DES-INS

‘Птица собирает ветки, чтобы сделать гнездо’.

Однако, если природные объекты и вовсе не предполагается собирать, подобные примеры сближаются с другими нереферентными употреблениями и получают неоднородные оценки. Так, в (34) речь идет о растении пушица влагалищная (*Eriophorum vaginatum*),

которое растет во влажных местах, в том числе часто окружает небольшие открытые водоемы в тундре. Поиск этого растения в ситуации, описываемой предложением (34), не предполагает его сбор — оно только выступает ориентиром, указывающим на местоположение воды.

- (34) %*q̣lawəl* *n-q̣ɔsap-yele-qen* *miməl* *em-re-l̥u-ŋ-e*
 парень[ABS.SG] ST-пушица-SEARCH-ST.3SG вода[ABS.SG] RESTR-DES-найти-DES-INS
 ‘Парень ищет пушицу, чтобы найти воду’.

Насколько нам известно, другие параметры для противопоставления чукотских глаголов, профилирующих объект поиска, нерелевантны.

В том числе нерелевантен таксономический класс субъекта, в частности, с названиями животных в позиции субъекта рассматриваемые единицы используются так же, как с субъектами-людьми, с учетом ограничений, связанных с референциальным статусом объекта поиска.

- (35) а. *kora-ta* *n-ine-lq̣arir-qin* *p̣ɔm~p̣ɔŋ* *rarat-jo*
 олень-ERG ST-INV-искать1-NP.3SG гриб~RED[ABS.SG] падать-PTCP.PASS
 б. *kora-ŋə* *nə-p̣ɔŋ-rer-qen* / *ʔnə-p̣ɔŋ-ena.rer-qen* /
 олень-ABS.SG ST-гриб-искать2-NP.3SG ST-гриб-ANTI.искать2-NP.3SG
 **nə-p̣ɔŋ-yele-qen* *rarat-jo*
 ST-гриб-SEARCH-NP.3SG падать-PTCP.PASS
 ‘Олень ищет упавший гриб’.
- (36) а. %*kora-ta* *n-ine-lq̣arir-qine-t* *p̣ɔm~p̣ɔŋə-t*
 олень-ERG ST-INV-искать1-NP.3SG-PL гриб~RED-PL
 б. *kora-ŋə* *nə-p̣ɔŋ-rer-qen* / *ʔnə-p̣ɔŋ-ena.rer-qen* /
 олень-ABS.SG ST-гриб-искать2-NP.3SG ST-гриб-ANTI.искать2-NP.3SG
nə-p̣ɔŋ-yele-qen
 ST-гриб-SEARCH-NP.3SG
 ‘Олень ищет грибы [по тундре]’.

Информация о различиях в употреблении чукотских единиц поля поиска макрофрейма собственно поиска объекта суммирована на рисунке:

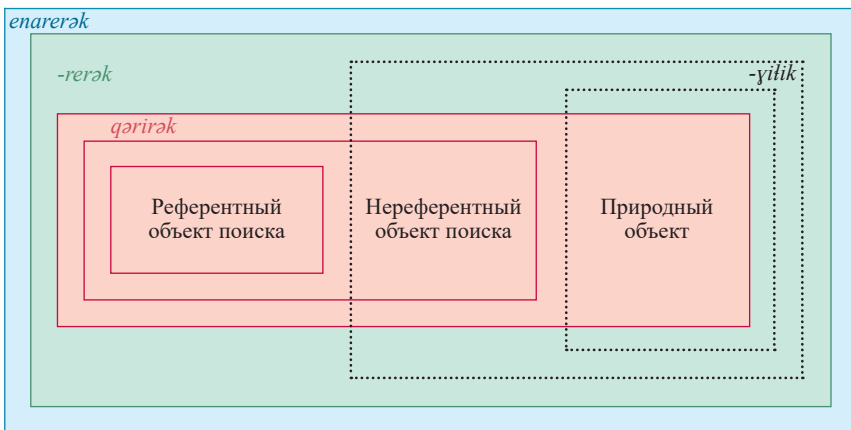

Рис. Различия единиц с профилированным объектом поиска

Схема показывает распределение единиц между тремя фреймами: поиск референтного объекта, поиск нереферентного объекта и поиск природных объектов с учетом

вариативности между информантами. Сплошные красные линии очерчивают допустимые фреймы для глагола *qərirək*, пунктирные линии — для лексического аффикса *-yili*; линии одного типа показывают вариативность в употреблении этих лексем между разными группами информантов. Зеленый фон соответствует употреблению *-rerək*, а голубой — *enarərək*. Как можно видеть, и та, и другая единицы покрывают все три фрейма, однако *enarərək* также допускает ряд других: в том числе безобъектный поиск и обследование пространства, — что показано отсутствием нижней границы у голубого фона.

6.2. Взаимоотношение семантики и морфосинтаксиса

На чукотском материале можно наблюдать различия в поведении лексемы *qərirək* как обыкновенного глагола, способного присоединять выраженный отдельным словом прямой объект, и *-rerək* и *-yilik* как лексических аффиксов.

Базовые характеристики чукотской конструкции с лексическими аффиксами во многом сходны с характеристиками инкорпорации имени в глагол [Виняр 2023: 51–54]. Это неудивительно, учитывая, что инкорпоративная конструкция и является источником для ряда лексических аффиксов: для некоторых из них существуют фонетически близкие, хотя и не тождественные глагольные основы со сходным значением (*-yili* [SEARCH] ‘искать’ и *yisik* ‘собирать’, *-u* [EAT] ‘употреблять, добывать охотой’ и *ru-* ‘есть’) и т. д.

Известно, что некоторые языки допускают инкорпорацию в глагол только неопределенных или нереперентных имен [Mithun 1984; Norper, Thompson 1984]. Для чукотского это, однако, не так. Инкорпорированные существительные в амгуэмском диалекте служат для передачи фоновой информации (background) [Vinyar 2021: 86] (ср. также сходные рассуждения об антипассивизации и инкорпорации в другом диалекте в работе [Kozinsky et al. 1988]), однако строгих ограничений на референциальный статус инкорпорированного имени в чукотском языке нет [Vinyar 2021: 86–87].

Не обязательно есть ограничения на референциальный статус и у имен, к которым присоединяется лексический аффикс. В частности, лексические аффиксы могут присоединяться к именам собственным: в примере (37) аффикс *-ŋəta* [GO.DO] присоединяется к лексеме *ityəqenjew* ‘белое ущелье’, которая является одним из названий поселка Эгвекино, близкого к селу Амгуэма (обсуждение примера приводится вкратце за [Виняр 2019а: 10–11]).

- (37) *pəŋq-ajwe* *muri* *qajkawrayəryə-n* *elyə-qanjaw-ŋəta-more*¹⁷
 повторно-вчера мы.ABS Кайкаврагыргин-ABS.SG белый-ущелье-GO.DO-NP.1PL
em-r-ityətew-ŋ-e
 RESTR-DES-мыться-DES-INS

‘Позавчера мы с [Татьяной] Кайкаврагыргиной ездили на Первый [в Эгвекино], чтобы помыться’. [Мультимедийный корпус]

Тем не менее в рамках рассматриваемого поля прослеживается корреляция между степенью связанности лексической единицы и референциальным статусом объекта поиска.

1. *-yili* в полной мере обладает свойствами связанной морфемы. Не только он, но и его когнаты в керекском, алоторском и, возможно, некоторых диалектах корякского (см. словарь [Fortescue 2005: 84] и процитированные в нем источники) могут быть охарактеризованы как имеющие аналогичные свойства. При этом сочетаемость данного аффикса ограничена только нереперентными именными основами.

2. Отнесение единицы *-rer* к классу лексических аффиксов неоднозначно и, как обсуждалось, зависит от трактовки его синхронного соотношения с глаголом *enarərək*. Его статус связанной морфемы в амгуэмском диалекте является результатом относительно недавних

¹⁷ В примере используется нестандартная форма без префикса, предположительно, стативного *n-*.

исторических преобразований, в первую очередь процесса утраты антипассива. Эта единица не имеет ограничений на референтность именной основы, с которой она сочетается.

3. Только глагол *qərirək* может употребляться с не инкорпорированным прямым объектом и даже имеет тенденцию к такому употреблению. В отличие от лексических аффиксов, в идиолектах некоторых носителей он допускается только при референтных объектах.

Таблица

Свойства единиц поля поиска и референциальный статус объекта поиска

Единица	Свойства	Референциальный статус зависимого	
<i>-yili</i>	лексический аффикс; этот статус предположительно получен давно	референтный	*
		нереферентный	ОК
<i>-rer</i>	лексический аффикс со спорным статусом; статус получен недавно	референтный	ОК
		нереферентный	ОК
<i>qərirək</i>	самостоятельный глагол	референтный	ОК
		нереферентный	%

Свойства рассматриваемых единиц и их ограничения на референциальный статус объекта поиска суммированы в таблице. Как можно видеть, расположение конкурирующих лексем одного семантического поля от наиболее связанной морфемы к наиболее самостоятельной соотносится с их способностью присоединять имена разного референциального статуса — от нереферентных к референтным.

Важно подчеркнуть, что наблюдаемые различия не следуют прямым образом из морфосинтаксиса: ни самостоятельные глаголы не требуют референтности объекта, ни лексические аффиксы, как было показано, не предполагают обязательной нереферентности имени, к которому присоединяются. Возможным источником наблюдаемых различий в референциальном статусе может быть именно их конкуренция внутри одного семантического поля, для которого этот параметр типологически важен. При этом выбор направления специализации лексических единиц (в сторону референтности для свободной морфемы и нереферентности для связанной) определяется свойствами конструкций с лексическими аффиксами, которые задают в первую очередь фоновое событие и противопоставлены в этом сочетаниям, состоящим из глагола и неинкорпорированного дополнения.

6.3. Этимология единиц макрофрейма поиска объекта

Диахрония чукотско-камчатских языков достаточно хорошо изучена, в частности, для этой семьи существуют подробные этимологические словари [Мудрак 2000; Fortescue 2005]. Это позволяет проследить происхождение лексических единиц поля поиска и его взаимодействие с их семантикой.

Лексический аффикс *-yili* является когнатом уже упоминавшейся чукотской основы *yisi-* ‘собирать’. Предок обеих основ восстанавливается со значением поиска по крайней мере до прачукотско-корякского уровня с исходным согласным *ʈ* [Fortescue 2005: 84]. Чередование *ʈ > s* описывается как палатализация и наблюдается во множестве чукотских основ и аффиксов, часто с сохранением вариантов как *ʈ*, так и *s* с близкими значениями

[Муравьева 1979: 167–171]. Таким образом, *-yili* сохраняет свое исходное значение, однако грамматизируется в суффикс, тогда как *yisi-* сохраняет статус самостоятельной основы, но сужает значение до результата, типичного при поиске природных объектов.

Для трех остальных основ макрофрейма поиска объекта был выдвинут ряд свидетельств в пользу их родства, помимо близкого значения и сходства формы. При этом если основы *enarər-* и *-rer* с точки зрения формы соотносятся друг с другом тривиальным образом (с точностью до антипассивного префикса), то соотношение их с *qərir-* требует более подробного обсуждения. Так как *ena-* — приставка антипассива, далее мы будем говорить в первую очередь о соотношении единиц *-rer* и *qərir-*.

Прежде всего, последнюю основу будет точнее обозначить как *(t)qərir-*: *-lqərir-* с начальным звуком *l* — срединный вариант основы, который выбирается во всех случаях, когда она выступает не в начале слова. Это морфонологическое чередование, которое свойственно этой и еще некоторым чукотским основам и которое возникло в результате упрощения групп согласных в начале слова.

Несмотря на сходство *-rer* и *(t)qərir-*, ни синхронные, ни исторические регулярные фонетические процессы не способны произвести из одной основы другую. Существуют различные трактовки соотношения этих единиц.

Работа [Kozinsky et al. 1988] рассматривает их как супплетивные варианты одной и той же основы: *qərir-* — как начальный, *-rer* — как срединный. Для амгуэмского такой анализ, однако, явным образом неверен: как было сказано выше, основа *(t)qərir-* имеет собственный срединный вариант *-lqərir-* (38) — именно такой вид основы выбирается во всех случаях, когда она выступает не в начале слова:

- (38) *ate-qajə-na nelqərisəqi... ne-lqərir-səqik-wət*
 папа-DIM-AN.ERG FST LOW.A-искать1-MCP-2SG.O

‘Папочка пошел искать тебя’.

[Мультимедийный корпус]

Можно было бы предположить, что соотношение *qərir-* и *-rer* представляет собой особый случай супплетивизма, при котором отдельная основа используется при инкорпорации в глагол, но не после словоизменительных аффиксов. Т. Куребито [Kurebito 2001] утверждает, что глагольные основы в чукотском языке, имеющие (квази)синонимичные лексические аффиксы, в целом не допускают инкорпорацию, хотя и не приводит соответствующего отрицательного языкового материала с глаголом *qərirək*. Для амгуэмского диалекта такое утверждение, однако, неверно: хотя в спонтанно порожденных примерах *qərir-* обычно выступает с неинкорпорированным прямым объектом, примеры наподобие (39) носители признают при эликации грамматически корректными.

- (39) *ətłəyə-n ekke-lqərirə-rkən ɲaryən*
 отец-AVS.SG [2/3.S/A]сын-искать1-IPFV снаружи

‘Папа ищет сына на улице’.

Итак, с синхронной точки зрения *-rer* и *qərir-* — морфологически разные единицы. Как показано в разделе 6.1, по крайней мере для некоторых носителей амгуэмского диалекта различна и их семантика.

Перейдем к обсуждению диахронической связи между этими основами. О. А. Мудрак [2000] восстанавливает на прачукотско-корякском уровне лексему *enarərək*, а *(t)qərirək* упоминает только для чукотского. М. Фортескью находит параллели последнего и в других чукотско-корякских языках, а именно, в керекском и алюторском [Fortescue 2005: 246]. Исследователь также указывает на возможное родство двух лексем, обращая внимание на проблематичность того, что их основы относятся к разным ступеням гармонии гласных (при отсутствии контекста для изменения ступени гармонии).

При этом антипассивный показатель *ine-/ena-* в когнатах лексемы *enarərək* в других чукотско-корякских языках на синхронном уровне не выделяется. Словарь Т. А. Молла [1960] не приводит для корякского языка соответствующую основу без антипассивного префикса,

а для аллоторского языка можно найти примеры, где когнат *ineritək* употребляется как переходный глагол [Кибрик и др. 2000: 314]. Подобное соотношение с близкородственными языками (а также внутри чукотского для различных его вариантов, см. сноску 6) ставит вопрос о том, содержит ли исторически лексема *enarerək* показатель антипассива, или же сегмент *ena* исходно входит в основу, а свойства антипассивной деривации у этой лексемы в современном чукотском языке получены в результате переразложения. В последнем случае сближение *enarerək* и *qərirək* проблематично, и установить, действительно ли рассматриваемые основы родственны, или их сходство вызвано совпадением — нетривиальная задача.

Исследование [Старченко 2021] берет за исходную основу (*t*)*qərir-* и предлагает цепочку фонетических преобразований, которая приводит к ее изменению в (*ena*)*rer-*. Каждое из этих изменений или является регулярным фонетическим чукотским преобразованием, или подтверждается материалами более старых чукотских текстов (в первую очередь [Bogoras 1910]), или находит аналогии среди изменений, наблюдаемых для других основ. Достоинством этого сценария является то, что он объясняет одновременно нетривиальные морфосинтаксические свойства *enarer-* с префиксальной частью и невозможность употребления *-rer* как самостоятельного отдельного глагола. Проблематичен для сценария, однако, тот факт, что он обязательно предполагает как промежуточный шаг чередование $q > ?$. Этот переход фиксируется только для чукотского языка, но не для других чукотско-корякских, притом что «итоговая» основа *enarer-* наблюдается не только в чукотском, но и в других языках (с точностью до регулярных фонетических соответствий).

Сценарий, при котором основа (*t*)*qərir-* происходит из *enarer-* маловероятен, в первую очередь из-за того, что основы принадлежат к разным ступеням гармонии гласных. Основа (*t*)*qərir-* имеет слабую ступень, тогда как *enarer-* — сильную. Оказавшись в одной словоформе с любой морфемой сильной ступени, морфемы со слабой ступенью подвергаются чередованию ($i > e$, $u > o$, $e > a$). Соответственно, если для преобразования *-rir-* в *-rer-* достаточно любого гипотетического контекста с сильной ступенью гармонии, то обратное преобразование ни по каким регулярным фонетическим законам произойти не может.

Наконец, возможен сценарий, при котором исходная связь между (*t*)*qərir-* и *enarer-* отсутствует. Он предполагает переосмысление изначально переходного глагола *enarerək* как содержащего антипассив только в чукотском языке, но не в других чукотско-камчатских, с дальнейшим переразложением и выделением основы *-rer*. Однако такой подход, в отличие от варианта с переходом (*t*)*qərir-* в *enarer-*, не способен объяснить, почему *-rer* осталось лексическим аффиксом, а не было перенализировано (для большинства носителей) как полноценная основа переходного глагола, а также предполагает независимое существование двух фонетически близких единиц со сходными значениями.

7. Макрофрейм обследования пространства

В этом разделе мы обращаемся к лексическим единицам макрофрейма обследования пространства. Раздел 7.1 характеризует семантические противопоставления внутри макрофрейма. Раздел 7.2 кратко рассматривает их этимологические и морфосинтаксические особенности, в том числе поясняя глоссы, которые показывают внутреннюю форму глаголов макрофрейма.

7.1. Семантические противопоставления внутри макрофрейма

Чукотский язык имеет специализированные лексемы для макрофрейма обследования пространства: *ojpətkok*, *rərɪttʔewək*, — а также использует для выражения соответствующего значения глагол *enarerək*.

- (40) a. *əməɫʔ-etə* *tejusyə-n* *t-ena.rer-γʔa-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-3SG.O
 b. *əməɫʔ-ətə* *tejusyə-n* *tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
 c. *əməɫʔ-etə* *tejusyə-n* *t-ojpə-tko-γʔa-n*
 весь-DAT сумка-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я перерыл всю сумку [чай искал]’.

Ключевым параметром внутри макрофрейма обследования пространства является топологический класс места поиска. Глаголы *ojpətkok* и *rəritʔewək* доступны при обыске небольших замкнутых контейнеров: сумки, ящика, котелка и т. д. В том числе они используются для описания поиска внутри множества подобных объектов:

- (41) a. *maša-na* *senle-t* *ena.ren-ne-na-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]ANTI.искать2-3SG.A.3.O-3SG.O
 b. *maša-na* *senle-t* *rə-riɫʔ-ew-ni-ne-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]TR-распространяться-CS-3SG.A.3.O-3SG.O
 c. *maša-na* *senle-t* *ojpə-tko-ne-na-t*
 Маша-AN.ERG ящик-ABS.PL [2/3.S/A]всовывать-ITER-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Маша все ящики обыскала [хотела найти сгущенку]’.

Для пространств — жилых помещений, например чукотского дома, оказывается полностью недоступной лексема *ojpətkok*, а лексема *rəritʔewək* приемлема не для всех носителей:

- (42) a. *əməɫʔ-etə* *jara-ŋə* *t-ena.rer-γʔa-n*¹⁸
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
 b. *ʔəməɫʔ-etə* *jara-ŋə* *tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
 c. *#əməɫʔ-etə* *jara-ŋə* *t-ojpə-tko-γʔa-n*
 весь-DAT яранга-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал всю ярангу’.

При обыскивании природного пространства доступна только лексема *enarerək*.

- (43) a. *weem-surmə-n* *t-ena.rer-γʔa-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-ANTI.искать2-TH-3SG.O
 b. *#weem-surmə-n* *tə-n-riɫʔ-ewə-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-TR-распространяться-CS-3SG.O
 c. *#weem-surmə-n* *t-ojpə-tko-γʔa-n*
 река-SIDE-ABS.SG 1SG.S/A-всовывать-ITER-TH-3SG.O
 ‘Я обыскал берег реки [где оставил кружку]’.

Другое различие между *enarerək* и специализированными глаголами поля состоит в большей интенсивности действия: *ojpətkok* и особенно *rəritʔewək* описываются как более интенсивные.

Как можно видеть, глагол *enarerək* покрывает наибольшее количество фреймов обследования пространства. Единственный известный нам контекст этого макрофрейма, в котором эта лексема маргинальна, — обыскивание человека.

¹⁸ Повторенный пример (7).

В этом случае используется глагол *tejəliŋək* ‘трогать, щупать’ (44), и можно говорить о том, что для лексификации фрейма обыска человека, который может не концептуализироваться как поиск, используется глагол из другого поля.

- (44) *ən-an yəm ine-tejəliŋ-yʔ-i*
 он-ERG я.ABS INV-трогать-ТН-2/3SG.S
 ‘Он меня обыскал’.

7.2. Этимология и морфосинтаксис единиц макрофрейма

Помимо глагола *enarerək*, основа которого выражает исключительно значения, связанные с поиском, лексемы макрофрейма обследования пространства являются дериватами глаголов из других семантических полей с достаточно прозрачной композиционной семантикой.

Глагол *ojpətkok* представляет собой итеративно-антипассивный дериват от глагола *ojpək* ‘вдевать, всовывать’.

Хотя в словаре [Венстен 2018] ‘обыскать’ указано как одно из значений глагола *ojpək* без деривационных показателей, в амгуэмском диалекте такое его использование невозможно — этот глагол описывает именно вдевание или засовывание одного объекта в другой:

- (45) *rətsiirʔə-n titi-k ojpa-ne-n*
 нить-ABS.SG иглолка-LOC [2/3.S/A]всовывать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Он вдел нитку в иглолку’.

Как можно видеть, диатеза *ojpək* и *ojpətkok* различаются: у первого прямым объектом является всовываемый предмет, а место, куда его всовывают, выражается формой косвенного падежа; второй присоединяет в позицию объекта место. Исходной для развития значения поиска у *ojpətkok*, по всей видимости, является ситуация, в которой человек активно шарит рукой внутри какого-то другого предмета, что предполагает, например, действия, описанные в (40b) и (41b). Изменение диатезы по сравнению с (45) обусловлено антипассивной функцией показателя *-tku/-tko*, а повторяемость и интенсивность действия — его семантикой из зоны глагольной множественности.

Глагол *ojpətkok*, как и глагол *enarerək*, также могут (ограниченно) употребляться непеходно, с местом поиска с пространственной деривацией (иногда в косвенном падеже):

- (46) *maša sentle-səku ena.rer-yʔ-e*
 Маша ящик-IN [2/3.S/A]АНТИ.искать2-ТН-2/3SG.S
 ‘Маша искала в ящиках’.

Это ожидаемо для деривации с антипассивно-итеративным *-tku* или (исторически) с антипассивным *ine-/ena-*. Подобные случаи можно также рассматривать как смежные между макрофреймом обследования пространства и безобъектным поиском, так как объект поиска в таких случаях вовсе не выражен, а место поиска выражается не ядерным участником.

Глагол *rərɪtlʔewək* в наших данных встречается также в варианте *rərɪtlʔəʔewək* — с не вполне понятными различиями, а словарь [Венстен 2018] объединяет сразу четыре варианта этого глагола в одной словарной статье. Сам по себе этот глагол значит ‘разбрасывать’, содержит транзитивизирующий префикс *r-* и, вероятно, соотносится с непеходным глаголом *ritlək* ‘распространяться’ (один из вариантов, который приводит Ш. Венстен: *rə-ritl-ewə-k* [TR-распространяться-CS-INF] — прямой каузатив от основы *ritl-*).

Описанное происхождение специализированных лексем макрофрейма можно связать с их значением. Глагол *rərɪtlʔewək* доступен при обследовании тех областей пространства, которые (или вещи из которых) можно разбросать: сумка, ящики, дом, но не природное

пространство. Глагол *ojpətkok* сочетается с объектами, в которые можно просунуть руку: сумка и ящики, но не дом или природное пространство. Таким образом, мы наблюдаем перенос ограничений в сочетаемости при переносе из исходного семантического поля в поле поиска. При этом действие, от которого произошел перенос на поиск — разбрасывание или итеративное всовывание — также обуславливает интенсивность процесса. Глагол *enarerək*, у которого значение поиска не мотивировано в доступном историческом отрезке времени, напротив, ограничений практически не демонстрирует.

8. Заключение

В этой работе мы описали семантическое поле поиска в чукотском языке, в том числе рассмотрели морфосинтаксические особенности и этимологию входящих в него единиц.

Как было показано, в амгуэмском диалекте поле поиска содержит глагол *enarerək*, который покрывает все или практически все поле; три единицы, выражающие собственно поиск объекта: *qərirək*, *-rerək*, *-yilik* — и ряд специализированных лексем макрофрейма обследования пространства: *ojpətkok*, *rəritʔewək*.

Для макрофрейма собственно поиска объекта ключевым параметром является референтность: различается поиск референтного и нереферентного объекта, причем внутри последнего в качестве значимой вычлняется ситуация поиска природных объектов для сбора или на охоте. Глагол *qərirək* по крайней мере для части носителей более приемлем при референтности объекта, *-yilik* возможен только при нереферентности объектов, причем в первую очередь он употребляется для описания поиска природных объектов, *-rerək* и *enarerək* покрывают все три фрейма. Для глаголов обследования пространства важными параметрами оказывается тип пространства, интенсивность и способ поиска.

Подробно охарактеризованы особенности синтаксического выражения валентностей лексемы *enarerək*, которые и позволяют этому глаголу покрывать все макрофреймы поля. Этим особенностям дано диахроническое объяснение: присутствие в этой единице префикса антипассива *ine-/ena-* (или исходно, или в результате переразложения на определенном этапе исторического развития лексемы) и утрата антипассивной деривации в амгуэмском диалекте для остальных глаголов. Сочетание этих факторов позволило лексеме, с одной стороны, сохранить ряд свойств антипассивной деривации, с другой стороны, обрести способность к инкорпорации объекта поиска, которой в диалекте с продуктивным антипассивом у подобной деривации от лексемы со значением ‘искать’ не ожидалось бы.

Кроме *enarerək*, механизм антипассивизации (точнее употребление этого показателя в функции пермутатива) оказывается важным для еще одной лексемы из макрофрейма обследования пространства — глагола *ojpətkok*, образованного с помощью показателя итератива-антипассива *-tku/-tko* от *ojpək* ‘всовывать’.

Другой аспект, в котором наблюдается взаимодействие семантики и морфосинтаксиса, — соотношение референциального статуса объекта поиска и степени связанности морфемы, семантически соответствующей предикату. Было показано, что степень связанности коррелирует с референциальным статусом, причем чем меньше самостоятельность морфемы, тем более та склонна к нереферентным употреблением, и наоборот. Тогда как сама тенденция к употреблению конструкций с лексическими аффиксами (сходных с инкорпоративными комплексами) с нереферентными объектами не является неожиданной, важным оказывается тот факт, что грамматика чукотского языка подобные конструкции с точки зрения референциального статуса участников не ограничивает. Источником описанной специализации по референтности / нереферентности мы предлагаем считать наличие нескольких сходных единиц внутри одного семантического поля. При этом направление специализации (к референтности или нереферентности) задается морфосинтаксическими свойствами единиц.

В завершение работы необходимо рассмотреть полученные результаты в контексте более широкой типологической картины глаголов поиска.

Противопоставления, релевантные для чукотского в зоне поиска, регулярно воспроизводятся и в других языках (в частности, представленных в сборнике [ЕВРика]). Отдельно интересно рассмотреть референтность / нереферентность объекта поиска, которая, кроме чукотского, так или иначе релевантна для систем русского [Рыжова, Станкович 2018], агульского (< нахско-дагестанские) [Резникова, Мерданова 2018], китайского [Холкина и др. 2018], японского [Панина 2018], нанайского и ульчского (< тунгусо-маньчжурские) языков [Стойнова 2018].

При этом перечисленные языки кодируют это противопоставление различными способами: лексически (агульский), синтаксически (русский, где конструкция с внешним посессором предполагает нереферентный объект поиска), морфологически (наличие показателя рефактива в нанайском и ульчском) и даже графически (японский).

Чукотский язык представляет еще один способ кодирования этого противопоставления — степень связанности морфемы: конструкция с лексическим аффиксом (-*yilik*) противопоставлена глаголу (*qərirək*). Противопоставление, однако, не жесткое: и лексический аффикс -*rer*, и (в отдельных идиолектах) глагол *qərirək* способен сочетаться как с референтными, так и с нереферентными объектами поиска. Таким образом, выражение этого противопоставления в чукотском языке оказывается на границе лексического и морфосинтаксического. С одной стороны, оно выражается разными предикативными единицами, с другой стороны, наблюдается корреляция со способом выражения объекта поиска.

Еще один вклад чукотского материала в типологию поля состоит в том, что чукотский позволяет высветить как отдельный фрейм поиск природных объектов для сбора или охоты, регулярно выражающийся единицей -*yilik*. Насколько нам известно, этот фрейм поля поиска не был последовательно описан с типологической точки зрения. Тем не менее его учет необходим для полноценного описания поля. Помимо чукотского (некоторых идиолектов), отдельная лексическая единица для этого фрейма существует в японском, где глагол *asari* используется в ситуациях, когда животные ищут пищу, а человек ловит рыбу или ищет морепродукты и водоросли [Панина 2018]. Выделение этого фрейма релевантно и для языков, где специализированной лексемы для него нет: в частности в русском языке основная лексема поля — *искать* — в этом фрейме неестественна (**искать ягоды в лесу*, **искать медведя на охоте*), тогда как в нганасанском он регулярно лексифицируется основной *hiir-* ‘искать’ [Гусев 2018].

Очерченный фрейм устроен внутри неоднородно. В приведенном выше примере из японского языка он оказывается более строго ограниченным, чем в чукотском, с точки зрения возможных сочетаний субъекта и объекта поиска. В китайском языке у лексем *sōi* и *liè* значение ‘искать’ в определенных исторических периоды совмещается только с ‘охотиться, искать зверя’, но не с ‘собирать, искать неподвижные природные объекты’ [Холкина и др. 2018]. При этом во всех перечисленных языках, если глагол объединяет поиск природных объектов с другими фреймами поиска с профилированием объекта, в их числе обязательно есть поиск нереферентного объекта, и предварительно можно говорить о том, что в ситуации поиска природные объекты осмысляются как правая граница шкалы референтности.

Фрейм поиска природных объектов должен быть включен в типологическую анкету при изучении поля поиска в дальнейших исследованиях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

A — агентивный участник

ABS — абсолютив

AN — личное склонение

ANTI — антипассив

ATTR — атрибутивизатор

CATCH — лексический аффикс со значением ‘до-быть, поймать’	МСР — движение с целью (что-то сделать)
COLL — собирательная множественность	NMN — номинализация, обычно со значением места
CS — вербализатор	NP — именная группа (используется при глоссировании лично-числовых показателей имен и стативных и перфектных форм глагола)
DAT — датив	O — пациентивный участник
DEV — дебитив	PASS — пассив
DES — дезидератив	PF — перфектив
DET — указательное местоимение ближнего дейкиса	PL — множественное число
DIM — диминутив	PTCL — частица с неясной семантикой, возможно, выступающая в роле заполнителя паузы
EAT — лексический аффикс со значением ‘есть, поглощать; ловить’	хезитации
EMPH — эмфатическая частица	PTCP — причастие
ERG — эргатив	RED — редупликация
FST — фальстарт	REL — относительное прилагательное
FUT — будущее время	RESTR — рестриктив
GO.DO — движение с целью, присоединяется к именной основе	S — подлежащее непереходной клаузы
IN — пространственная деривация со значением ‘внутри X-а’	SG — единственное число
INC — инкорпорированная основа	SEARCH — лексический аффикс со значением поиска
INCH — инхоатив	SIDE — пространственная деривация со значением ‘сторона X-а, берег X-а’
INF — инфинитив	SIM — конверб одновременности
INS — инструменталис	ST — статив
INV — инверсив	SUBJ — субъюнктив
IPFV — имперфектив	TH — тематический элемент
ITER — итератив	TR — транзитивизатор
LOC — локатив	VB — вербализатор
LOW — низкий статус участника с точки зрения лично-числовой иерархии	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Брицын и др. (ред.) 2009 — Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М. (ред.). *Концепт «боль» в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. [Britsyn V. M., Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Yavorskaya G. M. (eds.). *Kontsept «bol'» v tipologicheskoy osveshchenii* [The concept of ‘pain’ in a typological perspective]. Kiev: Publ. House of Dmitri Burago, 2009.]
- Венстен 2018 — Венстен Ш. *Чукотско-французско-англо-русский словарь*. В 3 т. Анадырь; СПб.: Лема, 2018. [Weinstein Ch. *Chukotsko-frantsuzsko-anglo-russkii slovar'* [Chukchi-French-English-Russian dictionary]. In 3 vols. Anadyr; St. Petersburg: Lema, 2018.]
- Виняр 2019а — Виняр А. И. *Суффиксальные предикаты. Грамматический очерк чукотского языка*. 2019. Электронный ресурс. <http://chuklang.ru/sketch> (дата обращения 21.02.2024). [Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Suffixal predicates. A grammar sketch of Chukchi]. 2019.]
- Виняр 2019б — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2019, 3(25): 9–21. [Vinyar A. I. Suffixal predicates in Chukchi: Semantics, typology and origins. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2019, 3(25): 9–21.]
- Виняр 2023 — Виняр А. И. *Инкорпорация имени в чукотском: силовая динамика и диахроническая типология*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2023. [Vinyar A. I. *Inkorporatsiya imeni v chukotskom: silovaya dinamika i diakhronicheskaya tipologiya* [Noun incorporation in Chukchi: Force-dynamic approach and diachronic typology]. Cand. diss. Moscow: HSE Univ., 2023.]
- Гусев 2018 — Гусев В. Ю. «Найти» и «искать» в нганасанском языке и в русском языке нганасан. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.:

- Лабиринт, 2018, 203–217. [Gusev V. Yu. 'Find' and 'search' in Nganasan and the Russian speech of the Nganasans. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 203–217.]
- ЕВРика — Рыжова Д. А., Добрушина Н. Р., Бонч-Осмоловская А. А., Выренкова А. С., Кюсева М. В., Орехов Б. В., Резникова Т. И. (ред.). *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. М.: Лабиринт, 2018. [Ryzhova D. A., Dobrushina N. R., Bonch-Osmolovskaya A. A., Vyrenkova A. S., Kyuseva M. V., Orekhov B. V., Reznikova T. I. (eds.). *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi* [*EVrika! A collection of papers about searching and finding on the anniversary of E. V. Rakhilina*]. Moscow: Labirint, 2018.]
- Кибрик и др. 2000 — Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. *Язык и фольклор алыторцев*. М.: Наследие, 2000. [Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. *Yazyk i fol'klor alyutortsev* [The language and folklore of the Alyutors]. Moscow: Nasledie, 2000.]
- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 — Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 2007. [Maisak T. A., Rakhilina E. V. (eds.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of aqua-motion: Lexical typology]. Moscow: Indrik, 2007.]
- Мельчук 2004 — Мельчук И. А. Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя. *40 лет Санкт-Петербургской типологической школы*. Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. (ред.). М.: Знак, 2004, 286–314. [Mel'čuk I. A. The definition of voice and enumeration of possible voices. *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole*. Khrakovsky V. S., Malchukov A. L., Dmitrenko S. Yu. (eds.). Moscow: Znak, 2004, 286–314.]
- Молл 1960 — Молл Т. А. *Корякско-русский словарь*. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиз, 1960. [Moll T. A. *Koryaksko-russkii slovar'* [Koryak-Russian dictionary]. Leningrad: Leningrad Department of Uchpedgiz, 1960.]
- Мудрак 2000 — Мудрак О. А. *Этимологический словарь чукотско-камчатских языков*. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mudrak O. A. *Etimologicheskii slovar' chukotsko-kamchatskikh yazykov* [An etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan languages]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.]
- Муравьева 1979 — Муравьева И. А. *Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алыторского языков*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1979. [Muravyova I. A. *Sopostavitel'noe issledovanie morfonologii chukotskogo, koryakskogo i alyutorskogo yazykov* [A comparative study of Chukchi, Koryak and Alyutor morphology]. Cand. diss. Moscow: Moscow State Univ., 1979.]
- Недялков 1979 — Недялков В. П. Чукотский антипассив и вторичная транзитивация. *XIV Тихоокеанский научный конгресс. СССР, Хабаровск, август 1979 г. Комитет Л. Секция «Этнокультурные проблемы изучения народов Тихоокеанского региона». Языки бассейна Тихого океана. Тезисы докладов*. Широков Г. К. (ред.). М., 1979, 266–268. [Nedjalkov V. P. Chukchi antipassive and secondary transitivity. *XIV Tikhookeanskii nauchnyi kongress. Abstracts*. Shirokov G. K. (ed.). Moscow, 1979, 266–268.]
- Панина 2018 — Панина А. С. Глаголы поиска и находки в японском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 184–200. [Panina A. S. Verbs of searching and finding in Japanese. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 184–200.]
- Рахилина, Плунгян 2007 — Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии. *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. Майсак Т. В., Рахилина Е. В. (ред.). М.: Индрик, 2007, 9–26. [Rakhilina E. V., Plungian V. A. On lexical-semantic typology. *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya*. Maisak T. V., Rakhilina E. V. (eds.). Moscow: Indrik, 2007, 9–26.]
- Рахилина, Резникова 2013 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии. *Вопросы языкознания*, 2013, 2: 3–31. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I. A frame-based approach to lexical typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 2: 3–31.]
- Рахилина и др. (ред.) 2020 — Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. (ред.). Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(1): 9–63. [Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. (eds.). Verbs of falling in the languages of the world: Frames, parameters, and types of the systems. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, 16(1): 9–63.]
- Резникова, Мерданова 2018 — Резникова Т. И., Мерданова С. Р. В поход за находками: глаголы 'искать' и 'находить' в агхулском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 105–119. [Reznikova T. I., Merdanova S. R. On a trip to discoveries: Verbs 'search' and 'find' in Aghul. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 105–119.]

- Рыжова, Станкович 2018 — Рыжова Д. А., Станкович М. К проблеме внутригенетической типологии: поля 'искать' и 'находить' в русском и сербском языках. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 15–37. [Ryzhova D. A., Stanković M. On the topic of intragenetic typology: Fields SEARCH and FIND in Russian and Serbian. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 15–37.]
- Скорик 1977 — Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка*. Ч. 2: *Глагол, наречие, служебные слова*. Л.: Наука, 1977. [Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka* [Chukchi grammar]. Part 2. *Glagol, narechie, sluzhebnye slova* [Verb, adverb, function words]. Leningrad: Nauka, 1977.]
- Старченко 2021 — Старченко А. М. В поисках антипассива в амгуэмском диалекте чукотского языка. [Starchenko A. M. In search of antipassive in Amguema Chukchi.] *Acta Linguistica Petropolitana*, 2021, 17(1): 339–383.
- Стенин 2019 — Стенин И. А. *Общие сведения о чукотском языке и исследуемом говоре. Грамматический очерк чукотского языка*. 2019. Электронный ресурс. <http://chuklang.ru/sketch> (дата обращения 21.02.2024). [Stenin I. A. *Obshchie svedeniya o chukotskom yazyke i issleduemom govore. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Basic information about Chukchi and the idiom under study. A grammar sketch of Chukchi]. 2019.]
- Стенин (рук.) — Стенин И. А. *Лично-числовое согласование. Грамматический очерк чукотского языка*. Рук. [Stenin I. A. *Lichno-chislovoe soglasovanie. Grammaticheskii ocherk chukotskogo yazyka* [Person-number agreement. A grammar sketch of Chukchi]. Ms.]
- Стойнова 2018 — Стойнова Н. М. Глаголы 'искать' и 'находить' и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 218–242. [Stoinova N. M. Verbs 'search' and 'find' and their derivatives in Nanai and Ulchi dialects. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 218–242.]
- Холкина и др. 2018 — Холкина Л. С., Наний Л. О., Сы Цян. Семантическое поле ИСКАТЬ-НАХОДИТЬ в китайском языке. *ЕВРика! Сб. ст. о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной*. Рыжова Д. А. и др. (ред.). М.: Лабиринт, 2018, 153–183. [Kholkina L. S., Nanii L. O., Si Qiang. Semantic field SEARCH-FIND in Chinese. *EVrika! Sbornik statei o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoi*. Ryzhova D. A. et al. (eds.). Moscow: Labirint, 2018, 153–183.]
- Berlin, Kay 1969 — Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: Univ. of California Press, 1969.
- Bogoras 1910 — Bogoras W. *Chukchee mythology*. Leiden: Brill; New York: G. E. Stechert & Co., 1910.
- Comrie 1979 — Comrie B. Degrees of ergativity: Some Chukchee evidence. *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. Plank F. (ed.). London: Academic Press, 1979, 219–240.
- Dunn 1999 — Dunn M. J. *A grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Canberra: Australian National Univ., 1999.
- Fillmore 1976 — Fillmore C. J. Frame semantics and the nature of language. *Annals of the New York Academy of Sciences: Conference on the origin and development of language and speech*, 1976, 280(1): 20–32.
- Fillmore 2006 — Fillmore C. J. Frame semantics. *Cognitive linguistics: Basic readings*. Geeraerts D. (ed.). Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2006, 373–400.
- Fillmore, Atkins 2000 — Fillmore C. J., Atkins B. T. S. Describing polysemy: The case of 'crawl'. *Polysemy: Theoretical and computational approaches*. Ravin Y., Leacock C. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000, 91–110.
- Fortescue 2005 — Fortescue M. D. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Hopper, Thompson 1984 — Hopper P. J., Thompson S. A. The discourse basis for lexical categories in universal grammar. *Language*, 1984, 60(4): 703–752.
- Kantarovich 2020 — Kantarovich J. *Argument structure in language shift: Morphosyntactic variation and grammatical resilience in Modern Chukchi*. Ph.D. diss. Chicago: Univ. of Chicago, 2020.
- Kozinsky et al. 1988 — Kozinsky I. Š., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. *Passive and voice*. Shibatani M. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988, 651–706.
- Kurebito 2001 — Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. *Endangered languages of the Pacific Rim (Languages of the Pacific Rim 6)*. Miyaoka O., Endo F. (eds.). Osaka: Osaka Gakuin Univ., 2001, 65–84.
- Langacker 1987 — Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar*: Vol. 1: *Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford Univ. Press, 1987.

- Langacker 2015 — Langacker R. W. Descriptive and discursive organization in cognitive grammar. *Change of paradigms—new paradoxes: Recontextualizing language and linguistics*. Daems J., Zenner E., Heylen K., Speelman D., Cuyckens H. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2015, 205–218.
- Mithun 1984 — Mithun M. The evolution of noun incorporation. *Language*, 1984, 60(4): 847–894.
- Rakhilina et al. 2020 — Rakhilina E., Reznikova T., Ryzhova D. To strive for lexical typology: To seek, to find (and not to yield). *Paper presented at the seminar “GL2-Lexical typology across time and space”*, LACITO, Paris. 2020.
- Rakhilina et al. (eds.) 2022 — Rakhilina E., Ryzhova D., Reznikova T. (eds.). *The typology of physical qualities*. Amsterdam: John Benjamins, 2022.
- Vinyar 2021 — Vinyar A. *Noun incorporation in Chukchi and beyond: A force-dynamic constructionist approach*. Master’s thesis. Moscow: HSE Univ., 2021.
- Wälchli, Cysouw 2012 — Wälchli B., Cysouw M. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, 2012, 50(3): 671–710.
- Wierzbicka 1972 — Wierzbicka A. *Semantic primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum, 1972.
- Wierzbicka 1996 — Wierzbicka A. *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Получено / received 20.05.2023

Принято / accepted 26.09.2023